

С начала своего существования студия "Театр" творческого объединения художественного вещания "Лад" поставила целью создание оригинального телетеатра. Задача непростая: этот жанр — один из самых "затратных" на телевидении. Тем не менее за два года — с мая 1992-го — выпущено 22 постановки, главным образом по произведениям русских классиков.

Заслуженный деятель искусств России Владимир Васильевич Загоруйко работает на Российском телевидении. В этом году он осуществил постановки, вызвавшие большой интерес у зрителей и критиков: музыкальный спектакль "Литургия оглашенных" Алексея Рыбникова, "Свободные сердцем" по произведениям Ф. Достоевского с замечательным петербургским актером Валерием Ивченко в главной роли. И вот новая работа — полнометражный телеспектакль по пьесе М. Горького "Последние", названный им "Умирает душа...". В главных ролях Александр Парра и Алина Покровская, в остальных — молодые актеры московских театров О. Богданова, Д. Писаренко, М. Есипенко.

В СКОРЕ после романа "Мать" Горький засел за пьесу "Отец". Соблазнительное название, правда, не

удержалось. Дорабатывая текст, автор определил на роль античного хора глухую няньку Федосью (по-гречески — так просто Божий дар) и вышелушил из нее старческого бормотанья окончательное заглавие: "Последние".

Хлесткое словцо нащупано безошибочно. Оно задевает и без литературной подсказки. Еще недавно в бесчисленных очередях вам отвечали с раздражением: "Я не последний, я крайний". Случалось, забирали покруче: "У нас последних нет!" Все, конечно, остались у Горького.

Россия, которую мы вместе с господином Говорухиным потеряли, злым горьковским откровением не обрадовалась. Пьесу кое-как сыграли на дальних окраинах — во Владивостоке, в Ташкенте, в Кутаисе... Петербургская цензура ставить ее запретила. Нечего, мол, изображать полицейских отъявленными мерзавцами.

Тем более нечего бы этим зани-

Россия, которую мы обретаем?

Лит. газ. - 1994. - 6 июля. - с. 15
"Умирает душа..." — жалуются сегодня на Российском телеканале герои Горького. Те последние, у кого она еще оставалась

маться сейчас, почти через девяносто лет, если бы не простая — на ленинский манер — догадка: очень своевременная пьеса. И название для телеспектакля придумано сегодняшнее — "Умирает душа...".

Не отдельными репликами или сценами, а всем своим действием спектакль опрокинут в нашу нынешнюю жизнь. У

Горького события разворачиваются в доме, где хватает места для десятка человек. На экране они толкуются в тесной городской квартире. Возвращается домой отец — по улицам, заставленным ларьками, мимо людей, торгующих с рук домашним скарбом, обходя кучи мусора, заглядывая в телевизор за стеклом витрины... И этот проход повторяется не-

сколько раз, чтобы зритель не забывал, что смотрит хронику. Правда, в разговорах то и дело упоминаются какие-то выморочные чины: полицмейстер, или помощник пристава, или околоточный надзиратель... Но нам ли, дожившим до супрефектов, удивляться хорошо забытому старому?

О чем же толкуют сегодня в доме, ставшем квартирой?

— Такая дрянь эти люди, мама, такая жалкая дрянь!

— Нет минуты, когда бы я не чувствовала своего уродства, отец!

— Ты же знаешь, я горяч, я не терплю противоречия...

— Мои родители произвели меня на свет, но не позаботились обеспечить средствами для приличной жизни...

— Я не буду есть, если она сядет за один стол со мной...

— Я променяла любовь на привычку — вот я наказана за это...

— Ты знаешь, Надя говорит, что муж — все равно кто, — он только для того, чтобы иметь любовников!

— Оставим это, а то мне хочется говорить о жизни, в которой командуют несчастные, слабые люди... и о людях, которые позволяют командовать собой.... и — как назвать таких людей?

— Мы — жертвы этого ужасного времени, дух его все отравляет, все разрушает...

— Далее — Александр может получить должность помощника пристава, но это будет стоить пятьсот рублей...

— Что делать! Без взяток не работает машина нашей жизни...

— В России никто никого не уважает...

— Нет слов, которые разбудили бы совесть этих людей, их мертвую совесть...

И все это мы, Господи?

Как-то при последнем Ильиче растолкали первого. Он тотчас потребовал прямо в мавзолее подшивку "Правды" и трое суток, не разгибаясь, шелестел бумагой.

Двух часов хватило бы ему сегодня у телеэкрана, чтобы выскочить на улицу с теми же словами: "Немедленно в Швейцарию! И все сначала!"

В. РАДЗИШЕВСКИЙ